

Совсем недавно завершились съемки продолжения телефильма «Наследницы». Первый мини-сериал был очень симпатичным. Не жалеете, что согласились сниматься и в последующих сериях?

– Вы знаете, на съемочной площадке было... Вот сейчас придумала слово: «атмосферность». Мы все были как бы в сотворчестве. Работал настоящий коллектив, охваченный одной идеей. Кто видел первую часть фильма, знает: очень гуманной и мудрой.

Так случилось, что мне пришлось немножко полежать в больнице. Я уже почувствовала себя здоровой, но из больницы меня почему-то не отпускали. И вот директор картины, женщина, звонит главврачу и говорит: «Вы все держите в больнице Скобцеву, а ей надо сниматься! В фильме «Наследницы». «О, «Наследницы!» – сказал главврач. На следующий день меня из больницы выписали.

– Вы часто встречаетесь со зрителями. Какой они вас прежде всего воспринимают – как трагическую актрису, характерную, комедийную?

– Я выхожу на сцену просто как Скобцева. Актриса. Многое зависит от того, с какой аудиторией ты встречаешься. Увы, бывает, что публика принимает тебя равнодушно. Такое случалось не только у меня, даже у классиков нашего искусства. Ведь актер интересен людям прежде всего как человек. И на встречах он остается один на один со зрителем. Хочу привести вам один пример. Как-то 8 Марта мы с Сергеем Федоровичем участвовали в концерте в Центральном доме железнодорожников. Должны были играть отрывок из «Отелло». Из-за кулис видели, что зрители в очень «праздничном» настроении: хрустят печеньем, шелестят конфетными фантиками. Как же мы будем играть Шекспира? И тут Бондарчук говорит: «Ты посиди, пожалуйста, за кулисами». В это время он поговорил о чем-то с конферансье. После чего объявили выступление Сергея Федоровича. Он решил, что луч света будет направлен только на него (хотя на концертах вся сцена бывает освещена). Бондарчук стоял перед микрофоном один в световом луче. Подошел к микрофону – и последовала длинная пауза. Полуминутная. А что такое полуминутная пауза на сцене? Можно сказать, вечность. Бондарчук сказал: «Чехов. Кому повем печаль мою?» Это исповедальный разговор человека с лошадкой, кучера, который только что похоронил сына. Зал продолжал шуметь. Происходило явное противостояние с человеком на сцене. Бондарчук ушел со сцены, потом вышел, выдержал паузу и опять сказал: «Чехов. Кому повем печаль мою?» Последовала еще долгая пауза. Перед началом рассказа выдержал еще небольшую паузу и начал читать рассказ. Зал постепенно затихал. И уже в полной тишине, не напрягаясь, но со всей силой своего внутреннего темперамента, своим проникновенным голосом, ничуть его не форсируя, прочел весь рассказ. Бондарчук закончил чтение. Поклонился и ушел. Так же в луче света. Стояла гробовая тишина. Знак того, что люди проживают услышанное. А потом раздался гром аплодисментов. Вот что значит актер, его заразительность, обаяние, темперамент. И стремление сказать зрителю: «Я для вас».

– Вы как-то обомлели, что актеру необходимо железное здоровье...

– Вы думаете, тогда на сцене Сергей Федорович не испытал жесточайшего эмоционального напряжения? Его белую крахмальную рубашку можно было потом выжимать. Но, может быть, из-за этого эмоционального напряжения люди и идут в актеры. Как ни парадоксально, в жизни артиста эти минуты самые радостные. В жизни я редко видела плачущего Бондарчука. При мне он похоронил мать, отца, сестру, но и тогда не плакал. Но вот когда ему сообщили, что пленка, на которой были сняты очень важные сцены фильма «Война и мир», оказалась бракованной, он уткнулся в подушку...

Но существуют чары искусства. Кстати, в театре и в кино разные. В театре актер – творец на глазах у зрителя, он получает от них волну тепла, сопереживания, или наоборот. Мгновенная обратная связь. И это прекрасно. Но чем силен кинематограф? Во-первых, снятое на пленку остается. И еще кинематограф силен крупным планом. Камера может подойти к тебе очень близко и зафиксировать процесс твоих переживаний, отраженный в глазах. Правда, при монтаже могут все склеить так, что работа актера окажется искаженной. Образ покажется зрителю не таким, каким он виделся актеру. Сей-

Ирина СКОБЦЕВА:

Ирина Константиновна СКОБЦЕВА-БОНДАРЧУК – одна из самых ярких звезд отечественного кинематографа. Народная артистка РСФСР. Ее родители были далеки от искусства. Но Ирина поступила на искусствоведческий факультет МГУ, а по его окончании пошла в школу-студию МХАТ. На экране впервые появилась в 1955 году в образе Дездемоны. За эту роль Ирина Скобцева была удостоена звания «Мисс шарм Каннского фестиваля». Потом были замечательные работы в картинах «Обыкновенный человек», «Неповторимая весна», «Суд сумасшедших», «Война и мир», «Зигзаг удачи»... В то время ее знали уже и как жену нашего замечательного мастера Сергея Бондарчука.

Мы долго не могли встретиться, потому что Ирина Константиновна была занята на съемках. И все-таки пришел день, когда я оказалась в ее квартире, и Ирина Константиновна предложила мне выпить чаю – с замечательным печеньем, с пряниками, с вареньем...

ФОТО ГЕННАДИЯ ЗЫРЯНОВА

ЖИЗНЬ – И ДРАМА, И РАДОСТЬ

час стала модной клиповая манера, и в этом большая опасность для артиста. Важно, чтобы режиссер видел главное в роли. Актер не должен быть рабом, счастливым от того, что ему дали работу. Всегда должно быть сотворчество.

– А бывало так, что вы что-то подсказывали режиссеру?

– Ничего не подсказывала, но мне удалось сделать главным именно то, что я хотела. Хотя я много раз убеждалась во вторичности нашей профессии. Выполняем волю автора, режиссера... В «Наследницах» мою роль сократили до минимума. Но есть сцена, в которой моя героиня говорит о покойном муже: «Ему можно все простить, потому что он гений». Я добила, чтобы это было снято крупным планом, в результате в фильме многое проявилось.

– Как вы понимаете шарм в мужчине, в женщине? У политиков или чиновников?

– Я предпочитаю слово «обаяние». И невозможно объяснить, что это такое. Это элемент природы какого-то конкретного человека. Ведь бывает, что личность мощная, а обаяния нет. Я видела многих замечательных людей. Необычайно обаятельными был Марчелло Мاستроианни, его соотечественник Витторио де Сика. А вот один из родоначальников неореализма Роберто Росселлини, гениальный режиссер, в жизни был угрюмым, неразговорчивым. Но при общении человек попадал в плен его личности. Обаяние – это как талант. Либо оно есть, либо его нет.

– Ирина Константиновна, вы возглавили фестиваль патристического кино в подмосковном Волоколамске. Сами решили или вам предложили?

– Это идея союза кинематографистов. Я на нее отозвалась.

– Что для вас означает понятие «патриотизм»?

– Сейчас об этом много спорят. Но надо помнить, что слово «патриотизм» происходит от слова «патриа» – отечество. Для меня отечество – прежде всего земля, твой дом на этой земле. И твои родные, которые были вокруг тебя, когда ты родился. Близкие люди, которые тебя воспитывали. Простите, не помню, кто

из классиков нашей литературы сказал примерно так: «В моем произведении есть скрытая теплота патриотизма». Это тоже категория, которую, как талант, объяснить непросто. Либо ты чувствуешь свое отечество, болееешь за него душой, либо его судьба тебе безразлична. На нашу долю выпала боль. Нам не довелось стать современниками какой-нибудь процветающей цивилизации...

– Ирина Константиновна, почему Сергей Бондарчук решил сделать еще одну экранизацию «Тихого Дона»? Это тоже режиссером ушедшей цивилизации?

– Его уже не спросишь. Но знаю, что у Бондарчука сформировалось свое видение романа. У вас же не возникает вопрос, почему повяжутся все новые экранизации «Гамлета», «Короля Лира», «Анны Карениной»... Но вот Бондарчук стал снимать «Тихий Дон» – и все почему-то стали удивляться...

– Я спросила без всякого подвоха. Просто очень переживала, когда итальянская телекомпания, с которой Сергей Федорович сотрудничал, наложила на фильм эмбарго.

– Сергей Федорович не хотел снимать картину за границей. Он три года переписывал сценарий, сокращал его с 20 серий до 13, а потом у нас на телевидении сказали: «Зачем тратить на это деньги? У нас сельское хозяйство в плачевной ситуации. А тут экранизация...» Фильм у нас не был снят, но от этого сельское хозяйство лучше не стало. Так вот, молодой итальянский продюсер приехал в Советский Союз с тремя проектами: «Чингисхан», «Тамерлан» и «Тихий Дон». А сам оказался мошенником.

Ирина Константиновна, читая готовый к публикации материал, сказала: «В заголовке статьи в вашей газете есть слово «Драма». Но все, что связано с «Тихим Доном», – трагедия Сергея Бондарчука, которая завершилась его уходом из жизни.

– Есть надежда, что мы скоро увидим этот фильм?

– Надежда есть.

– А как вы считаете, интерес публики и прессы к трагедиям, к драмам, вообще к жизни известных людей – это лишь жела-

ние заглянуть в замочную скважину? Или искреннее внимание, сопереживание?

– У журналистов, мне кажется, нет особой категории, которую, как талант, объяснить непросто. Либо ты чувствуешь свое отечество, болееешь за него душой, либо его судьба тебе безразлична. На нашу долю выпала боль. Нам не довелось стать современниками какой-нибудь процветающей цивилизации...
– Ирина Константиновна, почему Сергей Бондарчук решил сделать еще одну экранизацию «Тихого Дона»? Это тоже режиссером ушедшей цивилизации?
– Его уже не спросишь. Но знаю, что у Бондарчука сформировалось свое видение романа. У вас же не возникает вопрос, почему повяжутся все новые экранизации «Гамлета», «Короля Лира», «Анны Карениной»... Но вот Бондарчук стал снимать «Тихий Дон» – и все почему-то стали удивляться...
– Я спросила без всякого подвоха. Просто очень переживала, когда итальянская телекомпания, с которой Сергей Федорович сотрудничал, наложила на фильм эмбарго.
– Сергей Федорович не хотел снимать картину за границей. Он три года переписывал сценарий, сокращал его с 20 серий до 13, а потом у нас на телевидении сказали: «Зачем тратить на это деньги? У нас сельское хозяйство в плачевной ситуации. А тут экранизация...» Фильм у нас не был снят, но от этого сельское хозяйство лучше не стало. Так вот, молодой итальянский продюсер приехал в Советский Союз с тремя проектами: «Чингисхан», «Тамерлан» и «Тихий Дон». А сам оказался мошенником.

Начало века часто сопровождается катаклизмами в жизни общества. И все же в начале XIX века были гиганты – в литературе, живописи, в музыке, в науке! А XX плохо начался, и прожили мы его в рамках одной идеологии. В XXI вроде бы нет этих рамок, но все равно многие ужасы прошлого мы потащили в новый век. Да новый ли он? Мало у кого хватает мужества сказать: «Король-то голый!» А больше нам сказать нечего. Может, потому все и устремились к замочной скважине... Вспомним: «Хлеба и зрелищ!»

– Приходилось слышать, что брак двух творческих людей редко становится удачным...

– Это один из журналистских штампов. Среди известных творческих людей есть великолепные семейные союзы! У мужчины и женщины, которые полюбили друг друга, должно быть понимание своего места в жизни: кто ты, твой избранник или избранница и что для вас на том или ином этапе важнее – его стремления, твои стремления... Было время, когда Сергей Федорович не имел возможности работать, а я снималась. Ездил на концерты. Пожалуй, я и заработы-

вала деньги, давая Бондарчуку возможность готовиться к работе.

– Считается, что актер всегда должен быть адвокатом своих героев, даже если они отрицательные.

– Так оно и есть.

– И как же вы стали адвокатом Элен Курагиной?

– После Дездемоны мне часто предлагали играть молоденьких-хорошеньких. Я не хотела повторять уже созданное, но надо было иметь мужество отказываться от таких ролей. Стала сниматься в других – характерных, комедийных. Сыграла Шурочку в «Поединке» и даже попробовала себя в возрастной роли – Аннушки в фильме замечательного режиссера Жюльена Барнета. Я там на экране проживаю жизнь от молодой девушки до бабушки. К сожалению, картина была положена на полку... Как я стала адвокатом Элен? Во-первых, необходимо, чтобы роль актеру нравилась. Во-вторых, мы с Сергеем Федоровичем пошли от художественного метода Льва Толстого: в какой-то момент происходит открытие характера. Этот метод распространяется на всех героев. Возьмем, к примеру, Долохова. Бретер, выпивоха, бесшабашный гусар, он был в то же время нежным сыном, любящим братом сестры-горбуны. Он циничен, когда бросает в лицо неуклюжему Пьеру: «Я хочу выпить за прелестных жен и их любовников!» Каков же он на самом деле, что в нем главное? В той сцене и характер Пьера открывается. Открывается его способность к ярости. Почему такие страсти разгорелись из-за Элен? Да потому что она все-таки удивительно обаятельна. Удивительно хороша. И в этом открытии характера женщины, которая само автору вроде бы неприятна. Но она очаровывает даже Льва Толстого.

– Ирина Константиновна, от Маши Шукшиной я слышала, что ее мама Лидия Федосеева-Шукшина ей говорила: «Актриса может рассчитывать на стабильную работу, только если у нее муж-режиссер». Вы говорили об этом с вашей дочерью Аленой Бондарчук?

– Конечно. Я снималась у Бондарчука только тогда, когда ему для роли была нужна актриса Скобцева. Но все течет, все изменяется. Сейчас мы больше зависим от спонсора.

– Как вы относитесь к работе вашего сына Федора Бондарчука в скандальном фильме «Даун-хаус» – вольной интерпретации романа Достоевского «Идиот»?

– Положительно отношусь. Потому что судить о картине надо по замыслу, который предлагает режиссер. А у Федю есть много особенностей характера, которые есть и у князя Мышкина. Они и проявились в картине.

– Вы преподавали во ВГИКе. А сейчас?

– Нет. Мне не хочется работать в условиях абракадабры, оглушения нации. Смещения понятий о человеческих ценностях. Да что там – их уничтожения! Не хочется раскрывать душу во времена, когда ставится под сомнение, нужна ли нам наша классическая литература, классическая живопись, музыка. То, что всегда ценно. Когда массовая пропаганда внушает, будто главное в жизни – секс, а любовь все чаще обозначается словом «партнерство». Не хочется преподавать в условиях ущемления достоинства нации. Я имею в виду не только оглушение, но и нищету.

– Ирина Константиновна, как вам удается быть такой... прекрасной?

– Нет. Знаю, прекрасна я или нет. Но все наши морщины – это наши переживания. Думаю, если человек добр и не очень обременил свою совесть, он и на склоне лет выглядит неплохо. Но глаза! Вот в глазах накапливается боль. С этим не справишься. И не справишься с виной перед ушедшими родителями – все думаешь, как ты перед ними была виновата. Из-за работы мало с ними общалась. Такая у нас профессия, такая цыганская жизнь. Мы мало бываем дома. А теперь расплачиваюсь, терзаюсь, почему Федя не звонит, почему Алена не звонит... Ну, наконец-то позвонили! У них такая же цыганская жизнь. И они тоже потом будут мучиться, когда их детки несчастно будут звонить. Все идет по кругу.

Я детям очень благодарна. Они мне дали внуков, и семья замечательная... А еще знаете, почему я ощущаю себя в форме? Никогда не была белоручкой. И сейчас не белоручка. В моей большой квартире в центре Москвы, где очень пыльно, каждый день беру в руки пылесос. Вообще люблю наводить порядок в доме.

**Беседу вел
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ**